

А. В. Голубев
ПетрГУ, Петрозаводск

**«Карельский дневник» Филиппа Вудса
как источник для изучения северокарельского
приграничья в годы Гражданской войны**

События 1917 г. повлекли за собой кризис российской государственности. В частности, в отношениях «центр – периферия» чрезвычайно усилились центробежные силы, что привело к резкому росту национальных движений во всех регионах бывшей Российской империи и в конечном итоге к ее территориальному распаду. Эти процессы были характерны и для российских территорий, населенных карелами. Как известно, в 1918–1921 гг. на приграничных территориях Карелии, входивших до 1920 г. в состав Олонецкой и Архангельской губерний, произошел целый ряд вооруженных и политических конфликтов и событий, трактовка которых в исторической науке до сих пор вызывает массу споров¹. В 1918–1920 гг. между Советской Россией и Финляндией шла необъявленная война за приграничные уезды Олонецкой и Архангельской губерний. В это же время в карельских волостях и уездах прошел целый ряд собраний, на которых представители местного населения решали вопросы о дальнейшей судьбе Карелии, о ее возможном союзе с Финляндией или автономном статусе в составе России и даже о возможности провозглашения независимости. В 1920 г. в приграничной Карелии была установлена советская власть, однако в конце 1921 – начале 1922 г. север Карелии был вновь охвачен крупным антисоветским восстанием, поддержанным добровольцами из Финляндии.

Именно иностранное вмешательство в годы Гражданской войны было значительным, а зачастую и решающим фактором, оказывавшим влияние на национальное движение среди карел. Однако до сих пор как в отечественной, так и в зарубежной историографии рост карельского национализма связывался лишь с Финляндией, развернувшей среди карел активную профинскую пропаганду и оказывавшей вооруженную поддержку профинским силам в их среде в течение 1918–1922 гг. Однако в 1918–1919 гг. на Европейском Севере России действовали и значительные силы союзников, среди которых ведущую роль играли британцы. В частности, в Карелии союзники заняли побережье Белого моря летом 1918 г. и ушли оттуда лишь осенью 1919 г. Таким образом, их интервенция в северной и центральной

Карелии продолжалась больше года, и войска союзников, оказавшиеся в условиях вакуума власти в Карелии своеобразным центром силы, не могли не оказать влияния на карельское национальное движение, находившееся на стадии зарождения и искавшее любую опору, которая могла бы помочь его становлению.

И хотя в работе финского историка С. Черчилля содержится краткое упоминание о поддержке британцами национального движения на севере Карелии², в трудах отечественных историков подчеркивается лишь экономическая и антисоветская подоплека иностранной интервенции. Подобная позиция тем более удивительна, что существует ряд мемуаров белогвардейских офицеров, где ответственность за рост национализма среди карел в 1918–1919 гг. возлагается напрямую на британцев³. До сих пор в исследовательской литературе не раскрыта подоплека решений съезда представителей волостей Карелии, состоявшегося в феврале 1919 г. в Кеми. Если аналогичные съезды, собиравшиеся на территориях, которые были захвачены финскими войсками, принимали решения о присоединении к Финляндии (например, собрания в августе 1918 г. в Реболах или в январе 1919 г. в Поросозере), а на территориях, контролировавшихся Красной армией, – об установлении Советской власти (например, Всекарельский съезд представителей трудящихся карел в июле 1920 г. в Петрозаводске), то февральский съезд 1919 г. в Кеми, которая в то время была центром британских сил на карельском побережье Белого моря, провозгласил независимость Карелии как от России, так и от Финляндии.

Все это диктует необходимость введения в научный оборот новых источников для более объективного изучения британского фактора в событиях Гражданской войны в Карелии, в первую очередь, за счет привлечения источников, представляющих позицию союзников в 1918–1919 гг. Таким источником и является «Карельский дневник» Филиппа Вудса.

Филипп Вудс (1880–1961) был британским офицером ирландского происхождения, прошедшим англо-бурскую и Первую мировую войны и участвовавшим в 1918–1919 гг. в интервенции союзников в Карелии в качестве командующего Карельским легионом – добровольческим соединением, чей личный состав был набран из местного карельского населения. Карельский легион действовал в составе британских войск в Кемском и Ухтинском уездах Архангельской губернии против отрядов белофиннов и в меньшей степени – против Красной армии. «Карельский дневник» – это мемуары Филиппа Вудса, в которых он описывает свое участие в британской интервенции начиная со своего прибытия в июле 1918 г. и до эвакуации сил союзников в сентябре 1919 г. «Дневник» Ф. Вудса был

опубликован английским историком Николасом Бароном в 2007 г. в качестве второй части своей книги «Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и Британская интервенция на севере России в 1918–1919 гг. История и мемуары»⁴, его оригинал хранится в Имперском военном музее в Лондоне. По предположению Н. Барона, «Карельский дневник» датируется концом 1938 или 1939 г.⁵, однако богатый фактический материал, обилие дат, фамилий и название предполагает то, что автор опирался на заметки, написанные им во время своей карельской кампании.

Текст «Карельского дневника» Ф. Вудса – яркий пример того, как необходимо четко представлять законы жанра, в котором написан текст. В предисловии к своей книге Н. Барон пишет, что мемуары Вудса напомнили ему прочитанные в детстве приключенческие романы британских авторов⁶, и это не удивительно. В течение XIX – начале XX в. одним из основных жанров английской литературы был приключенческий роман, имевший гораздо более значительную социальную функцию, чем просто развлечение читателя. Произведения таких видных писателей, как Р. Киплинг, А. Конан Дойль, Г. Хаггард и других, формировали у читателей (среди которых был и Ф. Вудс) особое «викторианское» мировоззрение, восприятие Британской империи как созидательной силы, несущей «правильную» цивилизацию диким народам колоний и чужих стран. Несмотря на то, что в основе повествования Ф. Вудса лежат исторические факты, а не художественный вымысел, его «Карельский дневник» имеет все жанровые признаки приключенческой литературы. Британский офицер, которого отправляют в дальний уголок мира (метафора, неоднократно повторяющаяся в тексте), ожидает встретить здесь местное население, свободное от цивилизации, – таким Вудс и изображает карел: целомудренные женщины, храбрые мужчины, суровые, но по-своему справедливые нравы и обычаи. «Невозможно применить просвещенные стандарты Европы к людям, столь сильно отставшим от нас в социальном развитии», – сокрушается Ф. Вудс в своем дневнике⁷ – и в то же время берет на себя «бремя белого человека»⁸, откровенно симпатизируя карелам. Жанр литературы приключений подразумевает контрастное изображение противоборствующих сторон, и в противовес карелам русское население представлено совсем в ином свете: большевики ведут себя в высшей степени бестолково (например, в сцене противоборства с войсками комиссара Спиридонова⁹, которая в советской историографии изображена совершенно иначе¹⁰), а большинство белогвардейских офицеров изображены и вовсе классическими, едва ли не шекспировскими злодеями¹¹ (естественно, в мемуарах белогвардейских офицеров отношения с британскими союзниками описываются совсем

по-другому¹²). Подчеркнуто литературны и многочисленные описания северной природы.

Впрочем, было бы крайне ошибочно толковать «Карельский дневник» Ф. Вудса лишь как объект интереса для филологов и культурологов. В первую очередь, он все-таки является уникальным историческим источником, который требует критического анализа и осмысления, но не отрицания. Мемуары Ф. Вудса открывают новый взгляд на целый комплекс проблем, связанных с историей Гражданской войны на севере, национальным движением среди карел, советско-финляндским противостоянием из-за Карелии, с той перспективы, которая до сих пор отсутствует как в российской, так и в финляндской историографии.

Одной из центральных проблем в «Карельском дневнике» Ф. Вудса является карельское национальное движение, что находит объяснение в ирландском происхождении самого Вудса. В своем дневнике он неоднократно сравнивает карел с ирландцами¹³, в чем проявляется явная симпатия Вудса по отношению к карельскому национализму. В мемуарах Вудса раскрывается роль Карельского легиона как одного из центров карельского национального движения. Карельский легион был создан англичанами в июле 1918 г. для борьбы с финскими войсками, оккупировавшими Ухтинский и Кемский уезды, и поступление на службу (легион формировался исключительно на добровольной основе) предполагало определенный уровень националистических взглядов¹⁴. Более того, развитию этих взглядов способствовала дальнейшая служба в легионе. Уже в июле у легиона появилась собственная символика – кокарды в виде трилистника, символа Ирландии (из-за этих кокард британское командование окрестило Карельский легион «ирландскими карелами»)¹⁵. К сентябрю Ф. Вудс придумал для Карельского легиона и полковое знамя – зеленый трилистник на оранжевом фоне. Как писал он в мемуарах, «карелы так восхищались этим красивым знаменем, что в конце концов выбрали его в качестве национального флага, а когда им объяснили, что три листика имеют религиозный смысл, символизируя веру, надежду и милосердие, флаг был безоговорочно поддержан и церковью. [...] Одно из наших знамен развевалось на флагштоке здания городского совета в Ухте, другое – над казармами и зданием телеграфа в Ускозере, примерно в девяносто миль от Ухты, третье – над казармами в Кеми и четвертое было поднято под „Юнион Джеком“ над зданием штаб-квартиры Карельского полка на станции Кемь»¹⁶.

Неудивительно, что Карельский легион оказался своеобразным «инкубатором» национализма среди карел. Вудс достаточно подробно описывает, как изменялись взгляды карельских офицеров легиона на будущее Карелии,

упоминает об их консультациях с красными финнами, в том числе с членом бывшего социалистического правительства Финляндии Оскари Токоем¹⁷. Кульминационной точкой деятельности Карельского легиона в национальном движении в Северной Карелии стали два события – февральский съезд представителей северных карельских волостей и принятая этим съездом петиция к британскому королю Георгу V, в которой содержалась просьба признать Карелию британским протекторатом. В петиции приводилось следующее обоснование этой просьбы: «В течение веков Карелия находилась под русским господством на бесправном положении. Россия, обладая над Карелией полной властью, держала ее в темноте и неграмотности, забирала у нас наши богатства, и никаких выгод от этого Карелия не имела. Жить вместе с Россией мы не можем и категорически отказываемся от этого. Быть друзьями с Финляндией, которая низко попыталась захватить власть над нашей родиной, перед этим ограбив наши деревни до последнего гроша, также является невозможным»¹⁸.

Причины обращения карел за помощью именно к Британии были достаточно явно объяснены в петиции: основную роль здесь сыграла военная поддержка, оказанная британцами карелам в 1918 г. и выразившаяся в организации, вооружении, снабжении Карельского легиона, что позволило карельским националистам изгнать финнов и в то же время сохранить независимость от Советской власти. Данная петиция полностью приводится в «Карельском дневнике» Ф. Вудса¹⁹. Не менее подробно описана негативная реакция британских властей на это обращение, а также вызванный им антагонизм между карельскими националистами и представителями белого движения²⁰.

Несомненный интерес представляет «Карельский дневник» для изучения военных действий, в которых принимали участие северные карелы в 1918 и 1919 гг. Три главы из шестнадцати посвящены подробному описанию летне-осенней ухтинской кампании, в результате которой Карельский легион разбил и вытеснил за границу финские войска, оккупировавшие карельские земли к западу от Кеми. Как профессиональный военный, Вудс уделяет особое внимание тактике и стратегии Карельского легиона и подробно описанию отдельных боев (захвату Юшкозера, Ухты и Вокнаволока). Из его мемуаров можно видеть, что антагонизм между финнами и карелами приводил к крайней жестокости как с одной, так и с другой стороны. Вудс подробно описывает, как карелы делали чучела из убитых финских солдат и как финны, со своей стороны, пытали захваченных в плен карел²¹. Характерен эпизод с захватом пленного финна: карелы, находившиеся в подчинении Вудса, вопреки приказам не оставляли в живых солдат противника, и Вудсу пришлось объявить награду в фунт

табака, чтобы ему доставили хотя бы одного пленного, а потом приставить к нему значительную охрану, чтобы переправить в контролируемую британцами Кемь²². Еще одна глава, посвященная военным действиям, – «Боевые действия под Онегой» – рассказывает об участии карельских добровольцев в боях против Красной армии в районе Сумского Посада летом 1919 г.

«Карельский дневник» Вудса является ценным источником для понимания причин поражения антисоветских сил на Севере России. В Карелии в 1918–1919 гг. эти силы были представлены белофиннами, войсками союзников, белогвардейцами и национальными отрядами. Белофинны как союзники Германии были прямыми противниками Антанты и сформированных ею национальных сил. Однако не было согласия и между другими антисоветскими силами. Ф. Вудс неоднократно упоминает о том, что лидеры белого движения возражали (подчас в категорической форме) против формирования национальных карельских частей, а когда Карельский легион был все-таки создан, начали настраивать британское командование против него в целом и против Ф. Вудса как его командующего в частности²³. Особую интенсивность эти попытки приобрели зимой 1918–1919 гг., когда, как пишет Вудс в мемуарах, «администрация мурманской армии постоянно пыталась подорвать наше влияние и авторитет среди карелов, при этом одновременно генерал Мейнард получал доклады, согласно которым карелы просто ожидали удобного случая, чтобы восстать и перебить всех британцев в Карелии. Эти попытки не прекращались вплоть до нашей эвакуации из России и вызвали совершенно ненужные трения между штабом генерала Мейнарда и нами. Влияние этой пропаганды на наш мурманский штаб было таким большим, что, мне кажется, я сам стал объектом подозрения...»²⁴. Это противостояние принимало настолько серьезные формы, что, по воспоминаниям Вудса (одна из глав его «Карельского дневника» так и называется: «Заговоры против союзников»), белогвардейцы организовали несколько покушений на жизнь как его самого, так и других британских офицеров, находившихся в Кемь²⁵. Однако не было монолитным и само белое движение. Мемуары Вудса показывают, как оно разрывалось социальными и политическими противоречиями, которые делали белые части подчас просто небоеспособными – как, например, в случае со столкновением между солдатами и офицерами одного из белых отрядов, расквартированных в Кемь²⁶.

Помимо изображения политических и военных событий в Карелии в 1918–1919 гг., «Карельский дневник» Ф. Вудса представляет значительную ценность и как источник для изучения культуры и этнографии карел

Кемского и Ухтинского уездов начала XX в. Вудс, несомненно, обладал талантом хорошего этнографа – его описания быта, повседневной жизни и обычаев местного карельского, а также русского населения точны и подробны, он четко выделяет особенности специфической культуры приграничной Карелии, в которой переплелись финские и русские черты. Вот как он, например, описывает интерьер карельской избы: «Внутренняя дверь вела из маленькой прихожей, где оставляли верхнюю одежду, в большую квадратную гостиную с натертыми, без единого пятнышка полами. В одной стене обычно было два маленьких окошка с двойными стеклами, все стыки между которыми были проклеены бумагой или занопачены ватой. Четверть площади комнаты занимала огромная кирпичная печь высотой примерно пять футов. На ее верху было устроено спальное место для семьи, которым пользовались зимой, а также летом в те дни, когда не пекли хлеб. В углу стояли неизбежные иконы, под которыми обычно горела маленькая красная лампадка с ароматизированным маслом. Деревянные стены были пустыми, лишь иногда на них висели рождественские картинки из финских или шведских, реже русских журналов. Мебель обычно состояла из белого отполированного стола, двух скамеек без спинок и иногда двух кресел в виндзорском стиле, стоявших в противоположных углах комнаты. В любое время дня и ночи был готов кипящий самовар. Дом вентилировался с помощью трехдюймовой трубки, идущей сквозь стену; когда было нужно, ее внутренний конец затыкали круглой пробкой»²⁷.

В общей массе источников по истории Карелии в годы Гражданской войны «Карельский дневник» Ф. Вудса является одним из действительно уникальных документов, без которого невозможно объективно реконструировать события 1918–1919 гг. в их взаимосвязи. Для российского читателя – как для профессиональных историков, так и для всех интересующихся историей и культурой Карелии, вопросами национального движения карел, ходом Гражданской войны и иностранной интервенции в Карелии, структурой и особенностями белого движения и пр. – он будет представлять значительный интерес, и можно надеяться, что уже в ближайшее время появится его научный русский перевод.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Разные, подчас подчеркнуто полемические мнения см., например Шумилов М. И. Исторический выбор карелов в 1917–1920 гг. // Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации (становление и развитие государственности). Петрозаводск, 2000. С. 6–14; Дубровская Е. Ю. Национальное движение в Беломорской Карелии в 1917–1918 гг. и вопросы национально-государственного

самоопределения карелов // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 88–97; Килин Ю. М. Карелия в политике советского государства. 1920–1941. Петрозаводск, 1999; Churchill S. Itä-Karjalan kohtalo. 1917–1922. Itä-Karjalan itsehallintokysymys Suomen ja Neuvosto-Venäjän välisissä suhteissa 1917–1922. Porvoo-Helsinki, 1970 и др.

² Churchill S. *Op. cit.*

³ См., например: Игнатъев В. И. Некоторые факты и итоги четырех лет Гражданской войны // Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. Архангельск, 1993. С. 155.

⁴ Baron Nick. The King of Karelia. Col P. J. Woods and the British Intervention in North Russia 1918–1919. A History and Memoir. London: Francis Boutle Publishers, 2007.

⁵ Baron N. *Op. cit.* P. 8.

⁶ *Ibid.* P. 5.

⁷ Woods P. Karelian Diary // Baron N. *Op. cit.* P. 176–177. Здесь и далее перевод автора.

⁸ Метафора Р. Киплинга из одноименного стихотворения.

⁹ Woods P. *Op. cit.* P. 158–160.

¹⁰ Балагуров Я. А. Борьба за советы в Карельском поморье. Петрозаводск, 1973; Матвеев И. В. Красный командир. Петрозаводск, 1964.

¹¹ См., например, главы 7 и 11 в: Woods P. *Op. cit.*

¹² См., например, мемуары белогвардейских офицеров: Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. В 2-х тт. Архангельск, 1993.

¹³ Woods P. *Op. cit.* P. 163, 189, 245 и др.

¹⁴ *Ibid.* P. 160–162.

¹⁵ *Ibid.* P. 165, 169.

¹⁶ *Ibid.* P. 186–187.

¹⁷ *Ibid.* P. 235–246.

¹⁸ *Ibid.* P. 264.

¹⁹ *Ibid.* P. 263–265.

²⁰ *Ibid.* P. 266–267 и далее.

²¹ *Ibid.* P. 182–183.

²² *Ibid.* P. 183.

²³ *Ibid.* P. 161, 167 и далее.

²⁴ *Ibid.* P. 194.

²⁵ *Ibid.* P. 194–196, 205–211 и далее.

²⁶ *Ibid.* P. 219–221.

²⁷ *Ibid.* P. 189.